

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОСОФСКИХ НАУК
АФОНАСИНОЙ АННЫ СЕРГЕЕВНЫ
«ПСЕВДОПИФАГОРИКА: ТИМЕЙ ЛОКРСКИЙ О ПРИРОДЕ КОСМОСА И ДУШИ»

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на тот факт, что диссертационное исследование Афонасиной Анны Сергеевны «Псевдопифагорика: Тимей Локрский о природе космоса и души» – работа отнюдь не начинающего молодого ученого, но итог многолетнего труда уже состоявшегося и довольно известного исследователя. Об этом красноречиво свидетельствует не только внушительный список публикаций (С. 22–23), более чем удовлетворяющий минимальным требованиям ВАК, но и активная научно-организационная деятельность Анны Сергеевны.

Не подлежит сомнению и актуальность диссертационной работы, призванной осветить практически неизвестную для русского читателя страницу в истории античной мысли и книжности – псевдопифагорейскую литературную традицию и, прежде всего, сочинение Псевдо-Тимея Локрского. Учитывая, что платоновский «Тимей» всегда вызывал в России самый живой интерес, появление работы Анны Сергеевны без преувеличения можно назвать долгожданным и радостным событием.

При этом важно отметить, что диссертация соискательницы лишь на первый взгляд может быть отнесена к тому направлению историко-философских разысканий, которое условно можно назвать «микроисторическим». В центре подобного рода работ, как правило, находится какой-нибудь мыслитель, часто «второго плана», или же отдельное сочинение – не важно, авторское или анонимное. В этом случае главной задачей исследователя является издание, перевод, комментирование, систематическая реконструкция и предварительная историко-философская оценка текста. Собственно таким текстом для соискательницы стал трактат Псевдо-Тимея «О природе космоса и души», которому посвящена, насколько можно судить по автореферату, вся вторая глава и приложение диссертации. На деле же замысел работы Анны Сергеевны значительно масштабнее и шире. Исследовательница претендует на довольно серьезное историческое обобщение, предлагая выделять в истории пифагореизма, наряду с «древними», или же «ранними», пифагорейцами, с одной стороны, и «поздними» неопифагорейцами, с другой, еще так называемый «средний пифагореизм». Обоснованию и характеристике последнего посвящена, по существу, вся первая глава диссертации.

В виду того, что выделение «среднего пифагореизма» спорно и представляет серьезную историко-философскую трудность, остановимся подробнее на аргументах соискательницы. Но прежде необходимо сделать два сугубо формальных замечания.

Первое касается структуры диссертации и ее обоснования. Как мы видим, работа состоит из двух частей – историографической и теоретической (первая глава) и предметной (глава вторая). Безусловно, такая структура работы не могла быть случайной и подразумевает, что сочинение Тимея Локрского имеет особое, конституирующее значение для «среднего пифагореизма». Так ли это на самом деле, понять, по меньшей мере из автореферата, сложно. К сожалению, единственное обоснование которое мы находим в тексте автореферата, таково: «На примере этого важнейшего пифагорей-

ского псевдоэпиграфа проверяется и уточняется выдвинутая в первой главе гипотеза о «среднем пифагореизме»» (С. 16).

Второе касается самой гипотезы о «среднем пифагореизме». Если последняя столь важна для диссертации в целом, то почему о формулировке этой гипотезы не говорится ни в разделе «Цели и задачи исследования» (С. 6), ни в разделе «Научная новизна исследования» (С. 10), ни, наконец, в «Положениях, выносимых на защиту» (С. 11). В общей части автореферата понятие «среднего пифагореизма» упоминается лишь однажды в разделе «Степень изученности темы» (С. 8), да и то в связи с разработками самой соискательницы. На деле об авторской гипотезе «среднего пифагореизма» впервые мы узнаем лишь из раздела «Основное содержание работы» (С. 14).

Что же касается самой гипотезы, то безусловно идея о существовании «среднего пифагореизма» крайне соблазнительна и выглядит вполне естественной. В самом деле, если есть «ранние пифагорейцы» и «поздние неопифагорейцы», то между ними безусловно должно существовать некое промежуточное звено, особая философская эпоха. Традиционно последняя связывалась с появлением т.н. «псевдопифагорейских сочинений» (= «пифагорейских псевдоэпиграфов?»), вместо которых Анна Сергеевна предлагает говорить о «среднем пифагореизме». Ориентиром для соискательницы выступают в данном случае знаменитые «средние платоники» Дж. Диллона. При этом в отличие от прославленного ученого, Анна Сергеевна предпочитает говорить не о «средних пифагорейцах», а о «среднем пифагореизме» (С. 14). Обосновывая необходимость такого «сдвига», она выдвигает следующие аргументы:

«В первую очередь это связано... с анонимностью исследуемых трактатов» (С. 14). При этом, по мысли автора, «анонимность трактатов» еще не отменяет того факта, что «за ними стоят люди, которые жили в определенный период, пользовались достижениями предшественников» и т.д. (С. 16). В этом смысле понятие «среднего пифагореизма» представляет собой компромисс между «средними пифагорейцами» и «пифагорейскими псевдоэпиграфами». Конечно же в таком случае несколько нарушается концептуальное единообразие – «ранние» и «поздние пифагорейцы», но «средний пифагореизм». Но это расхождение не столь уж критично, особенно в свете того, что оно позволяет рассматривать «средний пифагореизм» «как цельное историко-философское явление» (С. 16). С чем можно было бы согласиться, если бы не одно существенное обстоятельство.

Так, согласно второму аргументу Анны Сергеевны, необходимость введения термина «средний пифагореизм» связана «с общей интенцией» исследуемых трактатов (С. 14–15). Поясняя свою мысль, соискательница говорит следующее: «Мы видим, как под прикрытием имен древних пифагорейцев, некими учеными деятелями осваиваются разные философские темы: этика, логика, метафизика, причем нередко довольно качественно. Эти темы освещаются отнюдь не в русле эфемерной к тому времени пифагорейской традиции, но в рамках платоновско-аристотелевского терминологического синтеза, стоической этики и новых открытий в медицине, астрономии и других науках» (С. 15). В свете этого исследовательница сама задается вполне резонным вопросом: что же в таком случае остается от пифагореизма? Ответ Анны Сергеевны таков: «Имена! Имена и задача свести всякую философию к мудрости древнего учителя и его последователей» (С. 16). Но ведь если это

так, то правы скорее те, кто говорит о «псевдопифагорейских сочинениях», нежели «среднем пифагореизме». Употребление последнего термина наводит мост между «ранними» и «поздними» пифагорейцами, подспудно создавая представление о единой истории пифагореизма. Однако в этой области у нас все еще так мало фактов и так много догадок, что стоит ли добавлять к ним еще одну? Не лучше ли держаться старой периодизации: «Пифагор и ранние пифагорейцы» – «время псевдопифагорейских сочинений» – «неопифагорейцы», одновременно сохраняющей представление о «скрытой традиции» пифагореизма, но вместе с тем указывающей и на некоторые «цезуры» в его истории. По большому счету этой периодизации продолжает следовать и сама соискательница, называя диссертационную работу не «Средний пифагореизм: Тимей Локрский о природе космоса и души», но «Псевдопифагорика: Тимей Локрский о природе космоса и души».

Как бы то ни было, проблема, затронутая Анной Сергеевной в ее диссертационной работе, не случайна, и всецело согласуется с желанием современной истории философии пересмотреть устоявшиеся периодизации (будь то тяжба вокруг «досократиков», «неоплатоников», или даже «классической немецкой философии»). Перечисленные замечания отнюдь не умаляют значимости диссертационной работы А.С. Афонасиной. Сама же соискательница безусловно достойна степени кандидата наук.

Автореферат диссертации А.С. Афонасиной заслуживает самой высокой оценки и безусловно удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам.

14.04.2014

н.с. Научно-организационного отдела
Института философии РАН,
к. филос. н.
Егорочкин М.В.
(119019 Москва, ул. Волхонка 14/5,
e-mail: egorochkin@torba.com)

Подпись Егорочкина М.В.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН И.И.